

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО КАК СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ ОБЩЕГО БЛАГА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРГУМЕНТОВ ФОМЫ АКВИНСКОГО И ДЖ. ФИННИСА

А. Б. Дидикин
Институт государства и права РАН (Москва)
abdidikin@bk.ru

ANTON DIDIKIN
Institute of State and Law RAS (Russia, Moscow)
NATURAL LAW AS A WAY TO ACHIEVE THE COMMON GOOD:
AN INTERPRETATION OF THOMAS AQUINAS AND JOHN FINNIS ARGUMENTS

ABSTRACT. The paper interprets the arguments of Thomas Aquinas on natural law as a way to achieve the common good, which had a significant impact on John Finnis' natural law theory. The author reveals the conceptual foundations of J. Finnis' understanding the morally justified actions of people in the community aimed at the obtaining of basic benefits, and the debatable issues of his theory in modern philosophical and legal research. The author arrives to the conclusion that the reinterpretation of J. Finnis analysis of the grounds for ethically significant actions leads him to formulate an instrumental approach to natural law as a rational way to implement a decent life.

KEYWORDS: legal philosophy of law, ethics, natural law, common good, Th. Aquinas, J. Finnis.

В современной философии права распространено мнение о том, что возрождение интереса к теории естественного права связано с публикацией этических и философско-правовых трудов Дж. Финниса в 80-е гг. XX в. Аргументы Дж. Финниса о роли естественного права в достижении общего блага в обществе и индивидуальных основных благ конкретным человеком в значительной степени обусловлены влиянием классической традиции с

рационалистическим восприятием принципов естественного права. Наибольший идейный интерес для него, безусловно, представляют взгляды Фомы Аквинского, но существует ряд оснований полагать, что Дж. Финнис переосмысляет аргументацию античной и средневековой философской мысли с целью обоснования принципов естественного права как инструмента обеспечения основных благ. Анализ рассуждений Дж. Финниса о сущности общего блага и естественного права в его фундаментальных работах *Natural Law and Natural Rights* и *Fundamental of Ethics* позволяет прояснить взаимосвязь классической традиции с современным пониманием юснатурализма в философии права.

Естественное право и практическая рациональность. В вопросе о понятии и принципах естественного права Финнис, несмотря на критическое отношение к аргументации юридического позитивизма, использует метод концептуального анализа, характерный для аналитической философии права. Так, принципы естественного права он раскрывает в трех различных контекстах:

- как определенное множество фундаментальных практических принципов, которые указывают на основные формы человеческого процветания как на виды блага, к которым человек должен стремиться;
- в качестве методологических требований разумности;
- как множество общих моральных стандартов (Финнис 2012, 43).

В данном случае теория естественного права превращается в морально-этическую теорию, базовые принципы которой выступают целью человеческих действий, а право приобретает инструментальный характер как регулятор действий человека. Такой аналитический подход Финнис демонстрирует и в обосновании применения принципов естественного права при осуществлении деятельности политических институтов и судов, поскольку обязательная сила позитивного права проистекает из естественно-правовых принципов, даже если отсутствует прямое выведение позитивных правовых норм из указанных принципов. Отсюда следует известное утверждение в теории Финниса о том, что в случае несправедливости позитивного закона он лишается моральной легитимности даже при сохранении формальной юридической силы (Там же, 47). В данном случае он эксплицитно следует рассуждениям великого схоласта Фомы Аквинского в части определения действительности позитивного права, которое не является копией или логическим выводом из естественного права. Позитивное право необходимо именно по той причине, что естественное право существует самостоятельно, но не может в полном объеме обеспечить координацию и упорядочение общественной жизни (Там же, 49–50). Интерпретация Финнисом

собственного вывода из рассуждений Аквината состоит в том, чтобы адаптировать применение принципов естественного права к толкованию нормативных предписаний позитивного права, а не разрывать связь между правовыми явлениями.

Из рассуждений Аквината можно сформулировать и несколько уровней понимания принципов естественного права в части обоснования действия по достижению основных благ. Так, к первому уровню относятся конечные социальные цели, достижимые лишь при соблюдении нормативных предписаний (в частности, личное благополучие). Финнис добавляет к данному аспекту характеристику индивидуальных основных благ (жизнь, знание, содружество и др.).

Ко второму уровню относятся морально-этические последствия из принципов первого уровня, не всегда очевидные для социальных групп граждан или целых культур, поскольку, как отмечает Финнис, «многие люди (как во времена Фомы Аквинского, так и в наши дни) думают, будто мораль затрагивает только межличностные отношения, и каждый «свободен в том, что касается его самого», а некоторые не понимают, что у них есть какие-то обязательства перед другими людьми» (Там же, 52–53). Третий уровень представляют принципы, доступные в их истолковании только в силу мудрости и глубоких исследований их содержания.

Следует отметить, что у Фомы прослеживается попытка рассматривать противопоставление права и закона как ключевой тезис философско-правового дискурса. Право по своей природе проистекает из представлений о справедливости, и это само по себе условие существования сообщества равных индивидов, поскольку право регулирует внешние действия и взаимодействие между людьми. Право определяется природой (как *jus naturale*), но может быть также установлено по соглашению и взаимному согласию людей. Закон тем самым выступает публичным выражением права, как совокупность правил и мер установления правопорядка в обществе, существующих в писаной и доступной форме. Кроме того, закон не просто объявляется или обнародуется публично, он формирует институты через такое обнародование, «придав ему силу власти»¹.

В рассуждениях Аквината обосновывается несколько отличий естественного права от позитивного как по природе, так и по источникам и силе воздействия. Так, закон обладает направляющим действием в отношении рационально мыслящих субъектов, состоит из правил («таинств разума») и предписывает действия, которые должны выполняться. Закон направляет

¹ Цитируется по: Thomas Aquinas 2002, 201.

действия уполномоченных субъектов через апелляцию к высшему разумному существу: «каждый закон исходит из разума и воли законодателя» (Thomas Aquinas 2002, 153). Тем самым закон – веление разума, существующего через отражение в сознании субъектов права, и потому закон в момент его принятия должен обладать обязательной принудительной силой. При этом, как отмечает Р. Молес, позитивное право у Аквината как творение законодателя обладает более глубоким содержанием, нежели проекция из принципов естественного права.²

Кроме того, закон с необходимостью определяется тем, кто обладает постоянной возможностью руководить действиями других людей. Это должен быть публичный субъект, ответственный за сообщество. И, в-третьих, закон возлагает обязанности на субъектов, и формирует властные отношения подчинения между ними и законодателем. Закон связан с «послушанием»: «на основе послушания...мы умаляем нашу собственную волю» (Thomas Aquinas 2002, 64–65).

Как отмечает Дж. Постема (Postema 2012, 33), воззрения Фомы чаще всего относят к теории естественного права, поскольку его ключевой тезис состоит в том, что законы должны находиться в согласии с разумом, и направлены на достижение общего блага. Аналогично и Финнис (Finnis, 2011, 158–159) относит Аквината к тем мыслителям, которые обосновывают ряд своих утверждений апелляцией к их самоочевидности, к религиозному философствованию и обоснованию разумной природы права и закона. В любом случае взаимоотношение права и закона у Фомы не так однозначно, поскольку отсутствие общего блага в целенаправленном правоприменении исключает законность применения правовой нормы. Общее благо у Фомы неопределенно как с точки зрения целей, так и средств, и юридический закон необходим, чтобы координировать взаимодействия с другими людьми, ибо мы часто не знаем, что общее благо требует от нас, и даже если мы это сделаем, нам не хватает адекватных гарантий того, что другие разделяют наше понимание, или достаточно мотивированы выполнять требования по достижению общего блага (Thomas Aquinas 2002, 78–80). Сужая характеристики общего блага до совокупности конкретных индивидуальных основных благ, Финнис стремится вывести философскую интерпретацию общего блага на новый уровень.

Общее благо и практическая рациональность. Формулировка перечня основных благ, устремляющих человека к достижению общего блага в обществе, является важной составляющей естественно-правовой теории Фин-

² Цит. по: Право XX века: идеи и ценности 2001, 247.

ниса. Характер устремлений будет верным лишь в том случае, если индивид руководствуется принципом практической рациональности, позволяющей установить связь между жизненными целями, намерениями, убеждениями и выбором поведения. Для Финниса выбор в пользу практической рациональности – это этический выбор и в его характеристике он ориентируется на переосмысление принципов классической этики. Стремление к разумности, а не к подчинению страстям и желаниям, отличает рациональное решение от спонтанного и случайного решения. В этом смысле Финнису импонирует рассуждение христианского богослова о том, что «закон должен быть добродетельным, справедливым, осуществимым по природе... созданным не для чьей-либо частной выгоды, но ради общей пользы».³

Каким образом можно обосновать морально оправданные действия, способствующие общему благу? В данном контексте Финнис предлагает в качестве ориентира ряд метафизических аргументов, представляющих собой общее руководство естественно-правовой теории.

Первый аргумент касается формулировки «ясного плана жизни», в котором находят разумное сочетание личные убеждения, понимание неизбежности смерти и цели, дающие правильную перспективу для выбора жизненного пути. Этот аргумент сам по себе опирается на аргументацию аналитической традиции в политической философии, наиболее ярко выраженную в теории справедливости Дж. Ролза.

Моральный выбор также состоит в том, чтобы не отдавать произвольных предпочтений ни конкретным ценностям, ни конкретным людям. В основе ценностных предпочтений лежит оценка человеком своих способностей, обстоятельств, а в дополнение к ним практическая рациональность предполагает беспристрастность по отношению к людям с точки зрения получения основных благ.

Что же может быть стимулом к уверенности, что такой выбор сделан? Финнис указывает в качестве рациональных требований отрешенность (сохранение смысла жизни при безуспешности действий) и приверженность (недопустимость отречения от своих замыслов при смене убеждений). Он отмечает, что разумный выбор предполагает предпочтение лучшей из возможных альтернатив, а «относительно множества предпочтений и потребностей разумно для индивидуума или для общества стремиться к максимальному удовлетворению этих предпочтений или потребностей» (Финнис 2012, 148). Например, «там, где ущерб неизбежен, разумно предпочесть оглушение ранению, ранение – увечью, увечье – смерти» (Там же). Тем са-

³ Фома Аквинский со ссылкой на Исидора (*Сумма теологии*, вопр. 95, разд. 3, вопр. 1, пер. С. И. Еремеева 2010, 62).

мым оказываются иррациональными принципы утилитаризма и конвенционализма, где термин «благо» предполагает лишь удовлетворение желаний, а не соблюдение требований морали и практической рациональности в стремлении к благу. Напротив, допустимы лишь те действия, которые не причиняют вреда и не создают препятствий к получению основных благ. Отсюда практическая рациональность – это «требование оказывать внимание и способствовать общему благу своего сообщества» (Там же, 163) и наряду с этим действовать «по совести» в приверженности общему благу.

В концепции Финниса общее благо становится мотивацией для кооперации и сотрудничества, которые, в свою очередь, позволяют членам сообщества достигать целей, поставленных с точки зрения практической рациональности. В то же время совокупность ценностей (игра, жизнь, знания, дружба, религия, свобода и опыт) является «общим благом» человеческих существ, как в коллективном, так и в индивидуальном смысле.

Моральные и правовые обязанности. Действия по достижению общего блага Финнис стремится осмыслить с помощью различия моральных и правовых обязанностей. Так, этимологический смысл термина «обязанность» состоит в наличии «связывающей силы» обязательств или квазиобязательств. Например, обещание – это некий «знак, который означает создание обязанности и который сознательно подан с той целью, чтобы он был понят как создающий обязанность» (Финнис 2012, 373). Отсюда на первом уровне в обществе имеются ожидания исполнения обещаний, в случае несоблюдения которых возможно общественное порицание. Второй уровень Финнис раскрывает, основываясь на утверждениях Юма, подчеркивая, что именно интерес движет человеком для исполнения своего обещания. В глобальном смысле все действия, связанные с исполнением обязанностей, ведут к общему благу, ведь «общее благо есть благо индивидуумов, живущих вместе и зависящих друг от друга таким образом, что это содействует благосостоянию каждого» (Там же, 380). Финнис конструирует поведение законопослушного субъекта, действия которого способствуют достижению общего блага как результата. Оно определяется тремя пунктами:

- 1) «нам необходимо ради общего блага быть законопослушными»;
- 2) «там, где ϕ устанавливается законом как обязательное действие, единственный способ быть законопослушным – совершать ϕ »,
- 3) «следовательно, нам необходимо [для нас обязательно] совершать ϕ , когда законом установлено, что ϕ является обязательным» (Там же, 393).

Такая схема по своей сути и отображает два уровня связи между обещаниями и действиями. При этом моральная обязанность субъекта возникает условно, поскольку это сами побуждения субъекта соблюдать закон. Правовая

обязанность связана больше с так называемыми «чисто карательными законами», которые не налагают на субъекта никакой моральной обязанности.

Критика аргумента о практической рациональности. Естественно-правовая теория Финниса в современных исследованиях является предметом дискуссий относительно ключевых понятий и принципов. Так, В. Родригез-Бланко полагает, что технический термин «практическая разумность» (более верно все же говорить о «практической рациональности») введен Финнисом для обоснования метода познания правовых явлений. В основе такого метода лежит и описание нормативных фактов, и объяснение их связи с социальными фактами. Отсюда практическая рациональность «позволяет понять уникальные качества права и те способы, которыми оно помогает нам удовлетворять потребности в основных благах нашей жизни» (Родригез-Бланко 2018, 92). Тем самым право выступает инструментом координации и направленности действий людей в сообществе на достижение общего блага. Финнис подчеркивает безоценочность естественно-правовой теории и ее базовых положений: «Вопрос не стоит ни о вынесении фундаментальных суждений о человеческих ценностях и требованиях практической разумности путем некоторого логического вывода из фактов человеческого состояния (*human situation*), ни о сведении дескриптивной общественной науки к апологии чьих-либо этических или политических суждений либо к проекту распределения похвал и порицаний среди действующих лиц на сцене жизни» (Финнис 2012, 36). Тем не менее, его подход к пониманию права как регулятивных правил, направленных на обеспечение деятельности институтов, координирующих действия людей, по своей сути ничем не отличается от позитивистского определения права как результата применения метода концептуального анализа.

Родригез-Бланко отмечает, что такой подход Финниса оказывается необоснованным и не может выразить сущностную основу феномена права. Даже если делать акцент на общем благе как цели правоприменения, значение термина «позитивное право», координирующего действия людей, и значение термина «общее благо», основанного на принципе практической рациональности, могут существенно отличаться. Их сходство является условным и возможно лишь при интерпретации конкретных ситуаций или поступков индивида.

Дискуссии об общем благе. В трактовке понятия «общее благо» Финнис осуществляет рациональную реконструкцию аргументации Фомы Аквинского о целевых установках человека, наделенного разумом и волей. Если эмоции доминируют над разумом при совершении действия, то это может привести к морально неоправданному поступку (Finnis, 1999, 73). Разум поз-

воляет двигаться вперед, если эмоции находятся под контролем, и проявляется мотивация стремления к истинному благу. Отсюда достойная жизнь – это полнота участия в достижении общего блага.

Характер и контекст интерпретации Аквината в теории Финниса многие исследователи подвергают критическому анализу. Так, Э. Лисска подчеркивает формальный и инструментальный подход Финниса к обоснованию этического действия, связанный с отказом признавать источником добродетели человеческую природу.⁴ Однако у Фомы Аквинского, как и у Аристотеля, трактовка основных благ связана со структурой личности человека. Вместо «человеческой природы» Финнис обосновывает моральные принципы в качестве «объективных» и не зависящих от философско-антропологического понимания человека. Более того, он сомневается в возможностях познания человеческой природы без предварительного обоснования смысла и ценности основных благ, к которым стремится человек. Для него перечень из семи основных благ объясняется тем, что разум и здравый смысл не могут не привести человека к пониманию именно такого самоочевидного перечня основных благ. Такая аргументация в конечном итоге оказывается гипотетической.

М. Райт уделяет внимание дискуссии о месте общего блага в политическом сообществе. Он отмечает, что в рациональной реконструкции взглядов христианского богослова Финнис выбирает ряд его аргументов об ограничении деятельности государства обеспечением общего блага и спокойствия индивидов, их семей и церковных общин (Wright 2009, 134). В то же время, несмотря на инструментальный подход к этике, Финнис полагает, что справедливость в действиях членов сообщества не может достигаться только внешним принуждением к соблюдению предписаний, но и внутренним отношением самого человека к своим поступкам. Как может быть сформировано такое внутреннее отношение, и как возникают стимулы к подобному отношению, Финнис не поясняет.

Новый юснатурализм. Естественно-правовую теорию Финниса обоснованно называют новым этапом возрождения юснатурализма. В ней сочетаются, с одной стороны, обновление методологии познания правовых явлений и авторские оценки существующих концепций правопонимания, а с другой стороны, конструирование автономной системы этических и юридических понятий, значение которых опирается на классическую традицию и попытки их применения к осмыслению социальных проблем современного общества.

⁴ Finnis 1983, 4; Lisska 1991, 58.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Фома Аквинский (2010) *Сумма теологии*. Часть II-I. Вопросы 90–114. Пер. С. И. Еремеева. Киев: Ника-центр.
- Пивоваров, Ю.С., ред. (2001) *Право XX века: идеи и ценности*. Москва: ИНИОН.
- Родригез-Бланко, В. (2018) «Прав ли Финнис? Понимание нормативной юриспруденции (часть 1)», *Вестник Гуманитарного университета* 4 (23), 91–101.
- Финнис, Дж. (2012) *Естественное право и естественные права*. Москва: ИРИСЭН, Мысль.
- Thomas Aquinas (2002) *Political Writings*. Cambridge University Press.
- Finnis, J. (1999) *Aquinas Moral Political and Legal Theory*. Oxford University Press.
- Finnis, J. (1983) *Fundamental of Ethics*. Georgetown University Press.
- Finnis, J. (2011) *Philosophy of Law: Collected Essays*. Oxford University Press.
- Lisska, A. (1991) “Finnis and Veatch on Natural Law in Aristotle and Aquinas,” *The American Journal of Jurisprudence* 36.1, 55–71.
- Postema, G. (2012) “Legal Positivism: Early Foundations,” in *The Routledge Companion to Philosophy of Law*. Ed. by A. Marmor. New York / London, 31–48.
- Wright, M. (2009) “The Aim of Law and the Nature of Political Community: an Assessment of Finnis on Aquinas,” *The American Journal of Jurisprudence* 54.1, 133–160.

In Russian:

- Foma Akvinskij (2010) *Summa teologii*. Ch. II-I. Voprosy 90–114. Per. S. I. Eremeeva. Kiev: Nika-centr.
- Pivovarov, Yu.S., red. (2001) *Pravo XX veka: idei i cennosti*. Moskva: INION.
- Rodriguez-Blanco, V. (2018) «Prav li Finnis? Ponimanie normativnoj yuris-prudencii (chast' 1)», *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* 4 (23), 91–101.
- Finnis, Dzh. (2012) *Estestvennoe pravo i estestvennye prava*. Moskva: IRISEN, Mysl'.